

CRIME & PRIVATE

анна
Данилова



ВЕДЬМА С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ

За все в жизни приходится платить...

Crime & private

Анна Данилова

Ведьма с зелеными глазами

«Автор»

2015

Данилова А.

Ведьма с зелеными глазами / А. Данилова — «Автор»,
2015 — (Crime & private)

Смерть Зоси Левандовской, местной знахарки, одела в траур всю деревню. Жители судачили, строили свои версии, поминали Зою. В ее лесном домике также обнаружили труп молодой москвички Эммы Китаевой, успешной богатой женщины, владелицы кафе. Приехала к гадалке и нашла свою гибель... Преступник не оставил в доме ни одной улики, хотя все было перевернуто вверх дном. Что искал убийца? Ведь в доме и красть было нечего. К тому же все драгоценности Китаевой были на месте... Мотив убийства Левандовской и Китаевой пока не просматривается. И следователь Азаров все больше склонен полагать, что Китаеву зарезали как свидетельницу преступления – целью была именно местная ведьма Зося...

© Данилова А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

1. Татьяна	6
2. Валентина	10
3. Мальчик Саша	14
4. Следователь Дмитрий Павлович Азаров	17
5. Марина	20
6. Следователь Дмитрий Павлович Азаров	24
7. Лиля Лялина	29
8. Зоя	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Данилова

Ведьма с зелеными глазами

© Дубчак А. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Татьяна

Он устал, выдохся, рухнул на пол лицом вниз, его голая, покрытая, как у зверя, шерстью спина вызвала у Татьяны спазм в горле. Разгромив всю квартиру и не найдя маленького ребенка, сынишку, которого она предусмотрительно спрятала у сестры, ее муж-алкоголик Юрий принялся швырять в нее стулья, метать кухонные ножи, изрыгая при этом отвратительные, грязные ругательства.

В стену летели кастрюли с остатками супа и тушеной капусты, разбивались вдребезги последние уцелевшие после подобных ночных пьяных сцен бокалы и чашки, раскачивалась над его дурной головой шаровидная лампа, размазывая по кухне желтые световые блики и делая картину погрома еще ярче.

Схватив нож, первый, что попался под руку, Татьяна бросилась в прихожую за мужем. Эта мерзкая, мокрая спина обезумевшего и опасного животного, который считался ее мужем и отцом маленького Ванечки, была словно подставлена для удара.

Острый нож вошел в спину, как в масло. Животное исторгло странный звериный рык и успокоилось окончательно. Тело обмякло и завалилось набок, к стене.

Татьяна стояла и смотрела на мертвеющее на глазах тело мужа.

Вот и все! Не будет теперь ни пьяных драк, ни оскорблений, ни криков, ни летающих тарелок и ножей... Ванечка будет тихо посапывать у себя в кроватке, не боясь звериного рева своего обезумевшего от паленой водки папашки.

Все закончилось.

Татьяна перевела дух. Надо бы вызвать полицию, во всем признаться. Ее посадят, Ванечку возьмет к себе сестра Оксана, бездетная, обожающая племянника, зато Юры больше не будет. Никогда.

Татьяна зашла на кухню, оглядела все вокруг себя, тяжело вздохнула. Мысли потекли почему-то в очень странном, не подходящем к ситуации направлении: надо бы побелить потолки, покрасить стены, заменить кафель над раковиной...

Она намочила полотенце, подошла к мертвому телу и тщательно протерла рукоятку ножа, торчащего из раны.

Затем вернулась на кухню и, обернув руку полотенцем, подняла с пола нож, которым Юрий незадолго до смерти размахивал у нее перед носом, а потом и вовсе метнул в нее. Зажмурившись, она несколько раз полоснула этим ножом по своей руке, плечам, мол, это ей досталось от пьяного мужа.

Надежды на то, что эти несложные и нехитрые манипуляции спасут ее, практически не было. Но кто знает, как все повернется? В деревне все знают Татьяну как женщину кроткую, тихую, безропотную, терпеливо сносящую зверские побои мужа. Знают, что она боится мужа и поэтому до сих пор не обратилась в полицию с заявлением о побоях.

Да, боится, вернее боялась, а сейчас все кончено, и ей больше ничего не грозит. Тюрьма в этой ситуации казалась ей избавлением от по-настоящему смертельной угрозы. В тюрьме будут женщины. Возможно, такие же, как и она, убийцы своих мужей, и им будет о чем поговорить за кружкой горячего крепкого чая.

А Оксана, сестра, станет любить Ванечку как родного, вырастит его, как принца. Деньги у них есть, да и семья хорошая, добрая.

С необыкновенным чувством легкости и выполненного долга перед сыном (который мог погибнуть во время одной из таких пьяных выходок мужа) Татьяна, набросив на плечи старую шерстяную кофту, вышла из дома в ночь, в дождь и побежала к озеру, к лесу, где собиралась

укрыться и прийти в себя у знахарки, гадалки и просто душевной и умной женщины, старой польки по имени Зося.

Казалось, Зося знала о жизни намного больше остальных, да и видела она, читала по глазам, облакам, воде, огню, свечам, земле и травам все то таинственное, недоступное обыкновенным людям, и это позволяло ей хотя бы немного заглянуть в будущее.

Никто не помнил, кода она поселилась в Панкратово, словно жила здесь вечно. Не знали, сколько ей лет, как забросило ее из Польши в Россию, есть ли у нее родные, близкие, была ли она замужем. Внешне Зося выглядела как потускневший портрет молодой красавицы с печальными глазами. Женщины говорили, что если снять с нее темную одежду до пят и пеструю косынку, под которой она прятала свои волосы (длинные и густые, как говорили случайные свидетели), то увидели бы молодую стройную женщину.

Однако движения ее были неторопливые, речь – тоже, что указывало все-таки на возраст.

Никто не знал, на какие средства живет Зося, потому что пенсию она не получала и не предпринимала ничего, чтобы ее оформить. Она собирала травы, варила барсучий жир, готовила разные настойки и каждое воскресенье ездила в город на рынок, где продавала все эти волшебные снадобья. На вырученные деньги она покупала самое необходимое – масло, сахар, соль, крупы, нитки, иголки, спицы, спирт...

Она гадала, лечила, наставляла женщин, учила жизни, и люди расплачивались с ней деньгами, продуктами. Чаще всего приносили молоко, мед, овощи, фрукты, овечью шерсть, из которой Зося вязала отличные узорчатые толстые носки, тоже на продажу.

...Трава была мокрая, высокая от обильных августовских дождей, подол юбки Татьяны быстро намок и теперь хлестал ее по щиколоткам. Она не бежала, а летела к Зосиному дому, черные очертания которого на темно-синем горизонте казались призрачными. Вот вроде бы он, дом, рукой можно дотянуться, но он словно отдалялся от нее, отступал в скрипучий, полный ночных звуков мокрый и холодный лес.

Татьяна выбилась из сил, хотела уже остановиться, чтобы перевести дух, как вдруг поняла, что стоит совсем рядом с домом, и стекло окна поблескивает перед самым лицом, как если бы убежавший дом теперь вернулся к ней.

– Зося?

Она подошла и заглянула в окно. Темно. Конечно. Глубокая ночь. Зося давно уже спит и видит свои таинственные цветные сны. Возможно, ей снятся размотанные наподобие шерстяных клубков чужие судьбы...

Татьяна обошла дом, взошла на крыльцо, и ей почудился в тишине голос. Женский. Как если бы кто-то внутри дома читал молитву. Монотонное звучание голоса, шум дождя, звуки постанывающего и охающего ночного леса – все это уже не пугало Татьяну, она знала, что вот сейчас постучит, разбудит Зося, но та даже виду не подаст, что нарушили ее покой, вторглись к ней так поздно. Распахнет свою дверь, впустит Таню-убийцу, обнимет, усадит за стол и напоит горячим чаем с травами. И Таня ей во всем признается, испросит у нее совета, как быть, идти ли с повинной в полицию или спрятаться, затаиться?

Ей показалось, что молитва, доносящаяся из приоткрытого окна, незнакомая. Может, католическая, на родном Зосином польском, подумала Татьяна, имея самое смутное представление о существующих религиях, однако знающая откуда-то, что поляки – католики.

– Зося? – тихонько окликнула она ее в темное окно.

И тотчас молитва прекратилась. Стало очень тихо. Слышно было только дыхание леса, тишайшая дробь дождевых капель о крышу дома да уханье совы.

Татьяна впала в какое-то оцепенение, до нее только сейчас начал доходить смысл того, что она совершила, весь кошмар и ужас содеянного. Она убила человека. Решила его судьбу. Если в тот момент, когда она заносила нож над мужем, она предчувствовала какое-то вселен-

ское облегчение, освобождение, то сейчас все страхи навалились на нее ледяной тяжестью, мешая дышать.

Она энергично постучала в дверь. Зося крепко спала.

Эти удары костяшек пальцев о дверь казались невероятно громкими, просто чудовищно громкими, раздражающими саму природу.

Татьяна прошла вдоль дома, повернула к саду и открыла дверь в хозяйственную пристройку, где Зося сушила свои травы и хранила на полках бутылки и банки со снадобьями. Там, Татьяна знала, был топчан с подушками, где дожидались своей очереди ее посетители, а то и ночевали, если беседа с Зосей уходила в ночь.

Отворив дверь, она вошла в темное прохладное помещение, где пахло травами и сухими цветами, яблоками и вином, нащупала выключатель, вспыхнул свет, и она увидела аккуратно застеленный топчан. Татьяна взбила подушку, выключила свет, легла, укрылась толстым шерстяным пледом и закрыла глаза.

Утро вечера мудренее – подумала она, проваливаясь в спасительный сон и с благодарностью воспринимая его сладость.

Она проснулась рано утром, когда все вокруг тонуло в тумане – даже стены дома казались призрачными, сотканными из плотного молочного воздуха.

Сердце Татьяны бухало в груди от полного и ясного осознания того, что она совершила накануне.

Подойдя к крыльцу, она поднялась на три ступеньки и постучала. Тишина. Тогда она толкнула дверь, и она подалась, отворилась, словно дом приглашал Татьяну войти.

– Зося?

Она вошла в темные сени, пахнущие яблоками и керосином, нащупала тяжелую дверь, открыла ее, прошла тихими шажками в дом, который хорошо знала, постоянно окликая хозяйку.

И куда она ушла спозаранку? Еще только половина седьмого!

Справа была дверь, ведущая в спальню. Татьяна тихонько приоткрыла ее и увидела в фиолетовых утренних сумерках разобранную кровать с лежащим человеком.

– Зося?

Она подошла ближе и от ужаса окаменела: на залитой кровью постели лежала девушка с ножом в груди.

Татьяна попятилась к двери, не поворачивая головы, нащупала рукой выключатель, вспыхнул свет, и картина, представшая перед ней, показалась еще страшнее, ярче.

Девушка была, без всякого сомнения, мертва. И это была, конечно, не Зося.

Татьяна от страха боялась пошевелиться. Ведь убийца мог еще оставаться в доме.

Окликать Зося желание пропало.

Татьяна чуть слышно вышла из комнаты, добралась, едва дыша, до кухни и остановилась на пороге, потрясенная видом распростертого на полу тела.

Вот это уже была Зося. Рукоятка большого кухонного ножа торчала у нее из горла.

На бедной женщине была ночная сорочка, волосы ее были распущены, видно, в тот момент она готовилась ко сну.

В доме произошла настоящая кровавая бойня.

И как же это угораздило Татьяну, ночью заколовшую собственного мужа, оказаться в этом страшном месте, где было совершено еще два похожих убийства?

А может, ей все это просто снится?!

Со страшным криком она вылетела из дома и побежала, не разбирая дороги, в деревню...
Солнце золотыми теплыми лучами вспарывало туман...

2. Валентина

Она никогда не приезжала без предварительного звонка. Сначала позвонит, спросит, где Игорь, и только потом, узнав, что его нет дома, поднимется. Всегда с сумками, пакетами. Сама благотворительность. Легко быть такой, когда денег – куры не клюют. Когда человек открывает кафе или ресторан, всех интересует вопрос, откуда у них деньги. Просто не все спрашивают из-за стеснения, да и вообще это как-то неприлично. Но я вам расскажу. Откуда у моей двоюродной сестры Эммы столько денег. Понятное дело, что она не сама их заработала.

Во-первых, у нее есть родители. Правда, они давно не живут вместе, у каждого своя жизнь. Да взять хотя бы ее отца, моего родного дядю Петю. Петр Васильевич Китаев. Сногсшибательной красоты мужик, ничего, что ему за пятьдесят, выглядит он очень молодо. Весь такой холерный, одевается шикарно. Познакомился на какой-то выставке со вдовой известного художника-авангардиста Арчибальда Фрумина (Эмма зовет его Арчи), женщиной по имени Жени (на самом деле она когда-то наверняка была просто Женькой, Евгенией, но у людей искусства свои предпочтения и вывихи), женился на ней. А у нее денег – море, океан. А тут господин Китаев в своих белых костюмах, с роскошной, без единого седого волоса шевелюрой и синими глазами. Обаял Жени, окружил вниманием и заботой, вылечил, как говорят, от тяжелейшего гриппа, отпаивая ее малиновым чаем, да и остался у нее жить. И так Китаев понравился вдовушке, что она тотчас прибрала его, как бы одинокого (он был еще в браке с Эмминой матерью, тетей Сашей, хотя они и жили отдельно), к рукам и стала его женой. Развод Китаев и тетя Саша получили мгновенно, Жени расстаралась, пожили молодожены немного в Москве, а потом исчезли. Как оказалось, у Жени, точнее у ее знаменитого мужа-художника, в Мексике пустовала вилла на побережье, куда голубки и улетели. Поселились, никому не сообщив, даже близким друзьям. Хорошо, что никто не успел начать их официальные поиски. Китаев сам позвонил Эмме и сообщил ей, мол, у меня все хорошо, живем с Жени в Мексике. И чтобы дочка не возмущалась и чтобы ее вообще успокоить, Китаев помог ей купить это кафе. Прежний хозяин разорился, вернее, он сам виноват, вместо того чтобы вкладывать выручку в оборот, он пустился во все тяжкие – отправился путешествовать по миру, где только не был, даже, говорят, всерьез увлекся охотой на львов, вот как вскружили денежки голову! Ну а когда вернулся в Москву, долгов накопилось – выше крыши, вот он и продал свою кафешку-пирожковую за полцены.

Эмма, которая закончила журфак и работала внештатником сразу в трех изданиях, сначала растерялась. Но Китаев все-таки ее отец, а потому кое-что знал о своей дочери. Знал, что она когда-то мечтала открыть свой ресторан, да только это была на самом деле лишь мечта. А тут – готовое помещение, кругленький счет в банке (Жени, вдовушка, постаралась, я думаю) – работай – не хочу!

Вот так все и случилось. Засучив рукава, наша Эмма принялась ремонтировать кафе, придумала сама дизайн, нашла хорошего повара, кондитера, назвала свое детище в честь себя, любимой (особенно не заморачиваясь), – «Эмма», да и живет себе в удовольствии. И еще меня, свою двоюродную сестру учит жить.

Да, чуть не забыла. Раз уж мы копнули родословную моей сестрицы. У нее и мамаша тоже, Александра, отличилась. Бабе под пятьдесят, а она влюбилась в молодого парня, музыканта. Он такой ботаник-ботаник, вернее, пианист-пианист, тихий застенчивый молодой человек с печальными одухотворенными глазами. Наша Саша оплачивает ему мастер-классы, ездит с ним по миру, следит за его творчеством, во всем ему помогает, но, говорят, иногда отпускает поводок и дает ему волю порезвиться. Так, к примеру, он без нее летал в Вену...

Вы спросите, откуда у нее денежки. Ответу: тетя Саша – единственная наследница своего деда, известного писателя-эмигранта Ника Францева. У нее две квартиры в Париже, которые она сдает, кроме этого, получает какие-то денежки от переизданий.

Вот вам и Эмма!

Конечно, ей хорошо меня поучать, она одинокая, у нее нет своего мужика, думаю, она мне просто завидует, что я замужем, что Игорь у меня красивый, что у нас ребенок, семья. Я понимаю, ей всего двадцать восемь, и она могла бы устроить свою жизнь, однако... Кто знал, что все так получится?

Когда я видела ее в последний раз? Неделю тому назад.

Говорю же, она позвонила мне и сказала, что собирается ко мне заглянуть. Я сказала ей, что Игоря нет, что он поехал искать работу. Эмма сказала, что будет у меня через полчаса. Ну, я, конечно же, принялась прибираться в квартире. Сами знаете, когда маленький ребенок, трудно поддерживать порядок. Полы пропылесосила, сварила кашу Мишке, моему годовалому сынишке, накормила его, да и уложила спать.

Села в кухне у окна – покурить. Не знаю почему, но я всегда нервничала перед приходом Эммы. Не знаю, как это объяснить. Может, я боялась ее вопросов? Она всегда задавала дурацкие вопросы, на которые у меня не находилось ответов. К примеру, как могла я позволить Игорю взять в кредит машину. Новую машину. В то время как у нас ипотека и надо выкупать квартиру. Ну, захотел Игорь машину, это мечта всей его жизни. Как я могу ему отказать? Ведь он – мой муж и отец моего ребенка! У нее-то, повторяю, мужа нет, поэтому она не понимает, как может муж договориться со своей женой, вернее, как он может уговорить ее.

Я, грешным делом, думала, что она завидует мне, что у меня Игорь есть. Муж у меня – видный, красивый, когда он домой возвращается, едва я только слышу звон ключей в прихожей, так меня в жар бросает. Вот какой у меня муж. Да выплатим мы этот кредит, он же время от времени где-то работает, какие-то деньги зарабатывает. Понятное дело, что иногда задерживаем с выплатой, и я вся на нервах, и сколько раз уже просила Эмму дать мне в долг хотя бы на месяц-другой, так она не дает! Сумки полные продуктов и памперсов прет, а вот деньги – никогда не дает. Воспитывает меня как бы. То есть с голоду не дает умереть.

Злилась ли я на нее? Честно? Не то слово! Я никак не могла понять, да и сейчас не понимаю... Не знаю, как поточнее выразиться. Вселенская несправедливость. Вот. Мы постоянно ищем в жизни какие-то закономерности, чтобы вывести формулу, одну, другую, чтобы знать или хотя бы предположить, что нас ожидает в будущем. И что нужно сделать, чтобы избежать ошибок. И все так поступают, ищут эти самые закономерности, но жизнь, вместо того чтобы следовать им, преподносит какие-то свои, неожиданные варианты. Я отвлеклась... Вселенская несправедливость. О ней кричат все неудачники мира. Одним, мол, ничего, другим – все. При чем эти, другие, везунчики, они ни за что не платят, просто живут в свое удовольствие. А мы, которых удача обошла стороной, откровенно завидуем им, мы ненавидим их и все ждем, что вот сейчас совершится какое-то чудо и наступит момент равновесия, что сейчас этот счастливчик где-нибудь поскользнется на ровном месте, упадет и разобьет себе голову. Или разорится. Или его ограбят. Или он утонет. Да-да, вы же хотели откровенности. Так вот. Ничего такого не происходит. Наоборот – это люди непотопляемые, и удача улыбается им отовсюду, как отражение солнца в окнах многоквартирного дома. Много-много солнц.

Вот и Эмма. Никто не знал, что будет с ее кафе. Но стоило ей его открыть, как уже в первый вечер там было полно посетителей. Между прочим, я помогала ей с открытием, привозила цветы, расставляла вазочки на столах, помогала на кухне, сворачивала и вставляла в кольца льняные салфетки...

Эмма тогда просто светилась от счастья, но и сильно нервничала. Она предполагала раз в неделю делать блюда разных народов. Вот на открытие была итальянская кухня, к примеру. И это при том, что в меню присутствовали и традиционные русские блюда, и, конечно, вкуснейшие пирожки с мясом. Забегая вперед, скажу, что эти пирожки потом будут покупать все жители нашего микрорайона домой, навывнос. Вот так.

В тот день она пришла, я приняла из ее рук тяжелые сумки с продуктами, и мы с ней сели пить чай. Вернее, я-то пила кофе, а ей заварила зеленый чай. Она же у нас вся такая правильная, пьет только зеленый чай. Хотя нет, кофе тоже пьет. Но какая теперь разница...

Выглядела она в тот день очень хорошо. Она вообще-то очень хорошенькая, не красавица, но миленькая, у нее гладкая тонкая кожа, большие карие глаза, каштановые волосы, улыбка просто чудесная, а уж зубки! Понятное дело, следит за собой, а чего не следить-то, когда денежки водятся. Одевается хорошо. Просто, но дорого.

Разговора у нас не получилось. Я попросила у нее денег, сказала, что верну в скором времени, наврала, что Игорь практически уже договорился о работе. Но Эмма мне не поверила. Посмотрела мне в глаза и тихо так сказала: бросай ты его, Валя. Вот разведешься – помогу. Даже квартиру выкуплю или вообще другую куплю. И буду помогать вам с Мишей.

Я смотрела на нее и не могла понять, в своем ли она уме. Зачем это мне, интересно, разводиться с мужем, с мужем, которого я люблю, который является отцом моего ребенка.

Я сказала ей: Эмма, ты бы взяла его к себе в кафе работать. Хоть кем! Он был бы под присмотром, то есть ты бы точно знала, сколько он получит, чтобы расплатиться с тобой. Но Эмма не хотела его брать к себе. И вообще испытывала к Игорю неприязненное чувство, вот. Просто не любила его, и все. Считала его бездельником, человеком несерьезным, с которым нельзя иметь дело. Никакое. И уж тем более быть его женой. Знаете, сейчас у меня какое-то двойственное чувство. С одной стороны, я откровенно рассказала вам о том, какую роль Эмма играла в нашей жизни, с другой – у меня в голове еще не уложилось, что ее больше нет в живых.

Да, это была наша последняя с ней встреча. Она считала, что поговорила со мной серьезно, что дала мне как бы пищу для размышления, но у меня после ее визита остался тяжелый осадок. Словно меня, взрослую женщину, причем достойную женщину, мать, окунули головой в унитаз. Да! Вроде она такая умная, и у нее все в порядке, и она знает, как жить и с кем, а я, получается, полная дура, потокаю желаниям своего мужа и нисколько не забочусь о будущем.

Она спросила меня, знаю ли я, откуда у моего Игоря деньги, которые он каждый месяц вносит за ипотеку. Я ответила, что он заработал. И он действительно их заработал, прокрутил сначала одно дельце, потом – другое. Кое-что перепродал, кажется, сливочное масло или постное... Где-то купил по дешевке, у какого-то фермера, а потом продал перекупщикам с рынка. Да какая разница, как он и чем заработал эти деньги, главное, что внес в банк, хоть и с опозданием.

Эмма еще так посмотрела на меня... Как бы это поточнее выразиться... Как на дуру. Я, понятное дело, разозлилась на нее. Что ей стоило дать мне денег в долг? Она еще пошла в спальню, посмотреть на спящего Мишу, замурлыкала что-то о том, что сама мечтает о такой же крошке. Откуда мне было знать, что я видела ее в последний раз? И что ее найдут мертвую, зарезанную как поросенка, в какой-то там деревне... И чего она туда поехала? Говорят, там же, неподалеку, нашли и ее машину... Какой кошмар!

Нет, вы не подумайте, я очень любила свою сестру, она была замечательная, добрая, умная. Вероятно, она действительно хотела помочь мне, от всего сердца, но просто невзлюбила моего Игоря. Но не могла же я из-за этого развестись с ним!

Представляю, сколько шума будет! Родители ее приедут, придется им на время забыть о своих райских куцах и заняться вплотную похоронами. Поминки наверняка устроят в ее кафе,

напекут пирожков... Бррр... Не могу поверить, что ее убили. За что? Кто? Я предполагаю, что ее убили как свидетельницу и что главное убийство – это убийство этой гадалки, как вы сказали ее зовут? Зося. Имя-то какое странное. Не русское.

Гадалка, травница... Да ведьма она была, вот и все объяснение! Сделала кому-то гадость, вот люди ей и отомстили. Может, запросила она дорого за свои услуги. Денежки взяла, а работу не сделала. Или наоборот – сделала. Порчу навела, люди узнали, приехали, да и зарезали ее. А тут моя Эмма... Увидела такое дело, да и закричала, вот ее и убили... Говорю же, как свидетельницу.

3. Мальчик Саша

Я не знаю, что еще нужно сделать, что предпринять и как себя вести, чтобы она поняла, как я к ней отношусь. Вроде бы неглупая женщина, молодая, понимает, что рядом с ней я, молодой парень, который просто пожирает ее глазами... Может, она играет со мной? Кто знает, возможно, она получает от этого удовольствие? Но говорю же, она не дура и должна понимать, что я бы мог доставить ей другое удовольствие, стоит ей только согласиться.

Она говорит мне: «Саша, ах, Саша, у меня проблемы...» – и Саша сразу же решает все эти проблемы. Да, она дает мне деньги, и я не могу не радоваться этому обстоятельству, потому как своих денег у меня нет, я же учусь, студент.

Мне неприятно говорить об этом, но Марина, похоже, любит своего мужа, Бориса. Злитесь на него, когда долго не видит, хотя и понимает, что у него работа, что он должен зарабатывать деньги. Ну и ревнует, как водится.

Борис, ее муж, – архитектор. У него клиенты. Она радоваться должна, что есть заказы, проекты, что ее муж зарабатывает, а у нее мозги набекрень. Вместо того чтобы пребывать в хорошем расположении духа, заниматься собой и обратить внимание на меня, к примеру, она забила себе голову одной из его клиенток.

– Ее зовут Эмма, как Бовари, – сказала она мне как-то утром, когда я заглянул к ней на чашку кофе. Борис к тому времени уже уехал на работу. Она пила кофе с маленькими рогаликами и говорила о муже: – Я уверена, что он в нее влюблен.

– А вы ее видели? – робко спросил я, окуная свой рогалик с маком в кофе.

– Саша, ну что ты такое говоришь? – Она взмахнула руками, ее пеньюар распахнулся, и я увидел белую, с темным соском, грудь. Марина поспешила запахнуть пеньюар. – Нет, конечно! Просто я слышала, как он называл ее по имени. И решила, что женщина, носящая это роковое имя, не может быть какой-нибудь простушкой. Понятное дело, что она богата, раз сделала заказ в нашей фирме. И – свободна! Не замужем. И знаешь, почему я так решила? Да потому что она сама занимается строительством дома, а не ее муж. Вот если бы она была замужем, то всеми вопросами реконструкции занимался бы, повторяю, ее муж! А так, она сама позвала Бориса в деревню Сухово, где будет строиться ее дом. Да-да, он несколько раз повторил, что будет дожидаться ее там, в усадьбе. Уж не знаю, что там за усадьба такая. Возможно, так они называют между собой ее будущий дом. Так вот, об этой Эмме. Она богата, это я уже сказала. Одинока – нет мужика. И третье, не самое для меня приятное, – она не глупа. И вот завтра утром, в десять, они встречаются в Сухово, в усадьбе. Саша, ты должен меня туда отвезти.

Рассказывая все это, размышляя, она даже не смотрела на меня, как если бы я был ее водителем или, я не знаю, адвокатом, частным детективом или, на худой конец, братом! Она и не догадывалась, что я мысленно сорвал уже с нее этот блестящий шуршащий пеньюар, а ее, такую легкую, воздушную, пахнущую кофе и теплыми рогаликами, унес в спальню...

– Саша, ты слушаешь меня?

Я почувствовал, что краснею.

– Марина, я люблю вас, – сказал я, закрывая глаза от ужаса и восторга. – А вы разговариваете со мной, как с мальчиком на побегушках.

– Любишь?

Она вдруг с легкостью поднялась, приблизилась ко мне, наклонилась, волна длинных, пронизанных солнечными утренними лучами волос накрыла меня, и я обнял ее.

– Ты – маленький. – Она поцеловала меня и вернулась на свое место. – Ты еще совсем маленький. У тебя завтра сколько пар? Ты сумеешь отвезти меня в Сухово?

- Конечно.
- Вот и отлично!

Вот там, в Сухово, на развалинах старинной дворянской усадьбы среди колонн, я и увидел первый раз Эмму.

Разве мог я тогда предположить, чем закончится вся эта история?

Мы приехали в Сухово утром, в машине Марина то плакала, то истерично смеялась, словом, нервничала перед тем, как увидеть любовницу, как она полагала, своего мужа. Женщина по имени Эмма заняла все ее мысли и чувства. И чего только она, еще даже не увидев Эмму, не совершила с ней. И избила, и исцарапала ей лицо, надавала пощечин, столкнула с обрыва, плеснула ей в лицо серной кислотой...

– Марина, да, может, она просто-напросто его клиентка, к которой он не испытывает ничего, кроме профессионального интереса, – пытался я урезонить Марину.

– Мой муж – очень темпераментный мужчина, уж можешь мне поверить, к тому же натура увлекающаяся, и никогда не пропустит ни одной юбки...

– Но он же на работе! Что же это получается, все мужчины, работающие с женщинами, непременно становятся их любовниками?

Признаюсь, я поддерживал этот разговор с присущей мне ленью и какой-то даже созерцательностью. «Мерседес» Марины, за рулем которого я с удовольствием представлял себя его хозяином, катил по загородному шоссе навстречу лесам и полям, маленьким озерцам и деревенькам, мостам и перекресткам, и все это я называл свободой, счастьем. Конечно, мне хотелось успокоить, урезонить Марину, чтобы потом, воспользовавшись моментом, в который уже раз признаться ей в любви, а позже дать ей возможность с моей помощью с наслаждением либо отомстить мужу-изменщику, либо, находясь в прекрасном расположении духа, просто слиться с природой, то есть отдаться, увидев, наконец, во мне охваченного страстью мужчину.

Вот странное дело, она была так уверена в том, что между ее мужем и этой Эммой существуют определенные отношения, как если бы действительно считала своего мужа бабником. Мне же господин Болотов представлялся весьма серьезным человеком, и, согласившись сопроводить его жену Марину в Сухово, я меньше всего ожидал увидеть обоих – Болотова и молодую женщину Эмму не в рабочей обстановке, а в декорациях веселого пикника.

Да-да, рядом со старой полуразрушенной дворянской усадьбой был расстелен уютный красный плед, на котором были разложены закуски и напитки.

Эмма, симпатичная шатенка в зеленом платье и широкополой соломенной шляпе, держала в руках кисть винограда, как раз в тот момент, когда Марина нацелила на нее свой бинокль.

Мы поставили свою машину в лесочке, в таком месте, откуда отлично просматривалась лужайка перед усадьбой.

– Сука! – прошептала, глотая слезы, Марина. – А ты все не верил! Вот, сам смотри, полюбуйся! Сидят, голубки! Был бы пистолет – пристрелила бы обоих.

Да-да. Она так и сказала. Честно говоря, у меня довольно богатое воображение, а потому я так хорошо себе это представил – палящую из пистолета Марину, лежащих вповалку, в крови, Болотова и эту несчастную Эмму, – что все мои желания по отношению к Марине, с которыми я в последнее время с трудом справлялся, отступили. Испарились. Больше скажу, я испугался, что Марина сошла с ума.

Вы можете спросить меня, что эта парочка делала, кроме того, что перекусывала. Так вот – ничего особенного. Они не обнимались, не целовались, а просто громко разговаривали, то и дело оглядываясь на облупленные стены усадьбы.

Конечно, будь на месте Эммы моя жена, к примеру, и застань я ее в подобной ситуации в обществе архитектора (или представителя другой профессии), ни за что не усомнился бы в том, что они любовники. Но на своем месте, будучи просто сторонним наблюдателем, пусть даже свидетелем, я мог бы предположить все-таки два варианта их отношений: любовники или деловые партнеры.

Марина же видела в Эмме только соперницу.

Жаль, очень жаль, что так все получилось. Но я к этой истории не имею никакого отношения. Я просто свидетель. А уж каким образом Марина заманила несчастную Эмму в деревню Панкратово, к местной ведьме-польке, – это уже не мое дело. Со мной никто не советовался, в Панкратово я никого не возил, поэтому ничего конкретного по этому поводу сказать не могу. Могу лишь предположить, что Эмму Китаеву зарезала Марина, но доказательств у меня никаких нет.

Однако ее мог убить и кто-то другой, но поскольку я об этой женщине не знаю вообще ничего, то, стало быть, и других предположений у меня нет.

На вопрос, способна ли Марина совершить такое тяжкое преступление, ответить затрудняюсь. Я был всего лишь одним из ее знакомых, мы общались с ней постольку-поскольку. Не скрою, она мне нравилась, и я надеялся на определенные отношения, но эта история с Китаевой все испортила. Думаю, что на этом и знакомство наше закончится. А потому – я умываю руки.

4. Следователь Дмитрий Павлович Азаров

Какая мрачная деревня это Панкратово. Люди здесь как призраки умерших. Быть может, такое впечатление создается оттого, что над деревней вот уже сутки висит черная туча, из которой сыплет холодный, прямо-таки осенний дождь. И все леса вокруг кажутся синими, нереальными. Говорю же, мрачное место.

А дело трудное. Убита местная жительница – Зося Левандовская. Никто не помнит, когда она поселилась в этом лесном доме. Занималась врачеванием, гадала на картах и бобах, продавала травы и настойки, короче, обычная деревенская знахарка. Почти в каждой деревне есть такие женщины. Иногда их называют ведьмами.

Однако никто не сказал о ней дурного слова. Все ее любили. Даже местные мужики, которые покупали у нее какое-то снадобье для мужской силы.

Поговаривают, что некоторые даже захаживали к ней как к женщине, но имена при этом не назывались.

По паспорту выходит, то ей всего-то тридцать пять. Но одевалась она, как говорят люди, как старая женщина – длинные юбки, темные блузки, косынка на голове.

И чего волосы прятала? Роскошные темные волосы, без единого седого волоса. Эксперт, только взглянув на нее, сразу определил: ничем не болела и образ жизни вела здоровый. Конечно, многое расскажет экспертиза, но пока – вот так.

Зосю зарезали. Точное время смерти устанавливается.

Убили и свидетельницу, Эмму Петровну Китаеву, москвичку, двадцати восьми лет, которая приехала к ней, по всей вероятности, за советом или погадать. Она была убита в постели. Ее тоже зарезали.

Итого в деле имеются два обыкновенных кухонных ножа, принадлежащих, по словам свидетелей, Зосе Левандовской.

На одном из ножей при ближайшем рассмотрении можно увидеть зеленые пятна – следы от высохшего травяного сока. Вероятно, этим ножом хозяйка обрезала стебли растений. Может, полевых цветов, которые охапками стоят в простых вазах по всему дому. Или лекарственных растений.

Китаева приехала в Панкратово примерно в четыре часа, ее машину видели несколько человек, в том числе и пастух, который пасет деревенское стадо. Он рассказал, что сам лично видел, как машина въехала в пролесок и остановилась. Он слышал, как хлопнули двери, из чего сделал вывод, что находящиеся в машине люди пошли в лесной дом пешком, потому что на машине проехать по грязи было невозможно после дождей. Я переспросил его: хлопнули дверями или дверью, на что он ответил мне, что дверями. Два раза. Поэтому он решил, что в машине были двое.

Возможно, Зося сама встретила свою гостью где-нибудь на шоссе, села к ней в машину, чтобы показать дорогу к дому. Или же в машине был еще один человек, который либо и убил двух женщин, либо сбежал, испугавшись, что его втянут в это дело.

Никто не знает, пропало ли что из дома, хотя все было перевернуто вверх дном. Возможно, убийца что-то искал. Может, что-то конкретное, какую-то ценную вещь, ведь никто не знает, какие тайны могла хранить эта удивительная женщина. А может, искали деньги, которые у Зоси наверняка водились и которые она, по свидетельству местных жительниц, давала в долг. Ссужала деньгами тех, кто в этом остро нуждался, и никогда не брала никаких процентов. Да и суммы были небольшие.

Смерть этой женщины одела в траур всю деревню. Улицы опустели, бабы собирались у кого-нибудь дома, судачили, строили свои версии, предположения, плакали, поминали Зосю,

мужики пили. Страх сгустился над деревней, люди боялись выйти из своих домов, понимая, что убийца не вычислен, не пойман, а значит, на свободе.

Женщина, Татьяна Ванеева, обнаружившая убитых, сама оказалась убийцей, то есть призналась в убийстве своего мужа-алкоголика. Говорила, икая от страха и дрожа всем своим тщедушным телом, что не помнит, как убивала, что пришла в себя уже после того, как увидела мужа с ножом в спине. Сказала, что он часто приходил пьяным, дебоширил, бил ее и ребенка, что она вынуждена была иногда прятаться у соседей.

Рассказала, что накануне отвела маленького сына к своей сестре Оксане, у них дом на другом краю села. И после того как она убила Юрия, она не могла оставаться в доме одна, ей надо было с кем-то поговорить, посоветоваться. Она надеялась, что Зося даст ей успокоительный отвар.

Ванееву арестовали, однако прокурор района, приехав на место и не успев во всем разобраться, решил подстраховаться, и в деле Ванеевой появились новые пункты: ее обвинили, помимо убийства мужа, еще и в убийстве двух женщин.

«Потом разберемся, а сейчас главное – начать действовать...» – сказал он, дыша на меня перегаром.

А мне-то что, пусть со своим следователем разбирается, на меня не надо давить, у меня свое начальство.

Он сильно пьет, этот Кузнецов, говорят, у него жена гуляет, причем чуть ли не открыто, и не с одним... Он все грозит ее пристрелить, но пока что просто пьет, дожидаясь ее возвращения домой. А она проводит время в Подмосковье, в каком-то поселке, где у нее живет брат, который ее и прикрывает. Короче, туманная история. Попахивающая кровью.

Убийца не оставил в доме ни одной улики. Я пригласил понятых – двух женщин, которые чаще других бывали в доме Левандовской. Они внимательно все осмотрели и подтвердили, что все вещи, банки-склянки, кофты, книги, травы и предметы быта принадлежали хозяйке. Что никогда не видели на ней ни золотых, ни других украшений. Что в доме по большому счету и красть-то было нечего.

То, что искали нечто принадлежащее именно Зосе, стало ясно после осмотра тела Китаевой. Она была раздета, лишь в майке, женщину нашли в постели, значит, она решила там остаться на ночь. Все драгоценности были на месте: золотые цепочка, браслет, два перстня.

Получалось, что убийца действительно искал что-то конкретное в доме Зоси, возможно, даже и не подозревая о том, что в маленькой темной спальне находится кто-то еще. И когда Китаева, разбуженная криками Зоси, как-то выдала свое присутствие, убили и ее. После этого убийца мог уже спокойно (относительно спокойно, конечно) осмотреть весь дом. Может, он и снял бы с Китаевой золото, да ему могла помешать Татьяна Ванеева. Потому что когда она пришла, женщины были убиты (иначе бы Зося открыла ей). Ванеева сказала, что слышала какую-то молитву, как ей показалось, на польском языке, и она решила, что это молится Зося, поэтому, постучав и не получив ответа, она пошла спать в пристройку. Проснувшись, вошла в дом (дверь оказалась не заперта) и вот тогда увидела двух убитых женщин.

Мотив убийства мужа был ясен и понятен, тем более что вся деревня подтверждала ее слова о том, что Юрий был алкоголиком и домашним тираном, и вообще опасным человеком. Возможно, убив своего мужа, Ванеева действительно спасла себе жизнь. А вот мотив убийства Левандовской и Китаевой пока что не просматривался. Вернее, он напрочь отсутствовал.

За одну ночь в деревне произошло три убийства! Конечно, прокуратуре удобно повесить все три на Ванееву. И они будут давить, давить, особенно на местного следователя, Евсеева,

последуют звонки сверху, давай, мол, закрывай дело, добивайся от Ванеевой признательных показаний, чтобы она созналась во всех трех убийствах.

В деле имеются три ножа: два из них принадлежали убитой Левандовской, один – Ванеевой. Трудно представить себе ситуацию, при которой молодая женщина, мать маленького ребенка, идет на тройное убийство. Тем более что в убийстве мужа она созналась сразу же, как только полиция прибыла в лесной дом Зоси. Хотя, будь она похитрее, с преступной кровью в жилах, то свалила бы и убийство мужа на того, кто зарезал Зосю и Эмму. Вообще бы спряталась у сестры, которая бы, в свою очередь, подтвердила ее алиби, что, мол, Ванеева ночевала у нее в момент убийства, а потому никак не могла зарезать мужа.

Ладно, с Ванеевой все ясно.

Поступила информация о жертве – Эмме Китаевой. Двадцать восемь лет. Владелица кафе «Эмма», в районе Кузьминок. Не замужем. Родных братьев, сестер нет. Получается, что наследниками Китаевой являются ее родители: Китаевы Петр и Александра. Развелись несколько лет назад. Каждый живет своей жизнью. Китаев вообще проживает в Мексике, женат на богатой вдове художника Арчибальда Фрумина, Евгении. Александра Китаева сожительствует с молодым музыкантом, певцом, выступающим под псевдонимом Кай Снегов. Словом, родители Эммы Китаевой далеко не бедные люди.

Все больше и больше склонен предполагать, что Китаеву убили как свидетельницу убийства Левандовской.

Ладно, подождем результатов экспертизы.

И еще: мне показалось или на самом деле в доме Левандовской было как-то неестественно тепло, ведь на улице шел дождь... Было душно, очень душно...

Сегодня вечером буду ночевать в районном центре Луговское, недалеко от Панкратово, в доме Евсеева, следователя. Мы с ним быстро нашли общий язык, хороший мужик. Его жена только что позвонила ему, сказала, что накрыла стол в саду, курицу пожарила, пирог испекла.

Да, трудное дело, тяжелое, без ста граммов не разобраться.

5. Марина

Никогда не ревновала Бориса, думаю, потому, что он не давал мне повода. Да, безусловно, у него были клиентки, и он с ними куда-то выезжал, встречался, чтобы что-то обсудить, словом по работе. Но с этой Китаевой все было по-другому.

Во-первых, Борис терпеть не может магазинов, и редко когда в его карманах увидишь магазинный чек. А в тот день я нашла сразу несколько чеков, и все – из Елисеевского магазина. И хотя там написано «Алые паруса», поскольку они сотрудничают с этой фирмой, ценник из «Елисеевского» я узнаю. Конфеты, шоколад, швейцарский сыр, вино, фрукты... Вот такой джентльменский набор.

Я позвонила в контору Бориса, поговорила с его секретаршей Олей, и та сказала мне, что Борис получил новый заказ, очень интересный и выгодный, что их контора займется реставрацией старинной русской усадьбы в какой-то деревне, в Подмосковье. Что договор еще не подписан, но уже готов его проект. И что, если нужно, Оля может все уточнить.

Уточнила и выяснила, что клиент, заказчик – Китаева Эмма Петровна. Больше того, Оля ее видела, когда та приходила в контору, и даже напоила ее чаем.

– Оля, ты не знаешь, что Борис Константинович делал в Елисеевском магазине? Что ему там понадобилось?

Вопрос получился корявым, глупым, но Оля бодренько так прореагировала:

– Да не был он там, это я ездила, он мне даже машину давал. Сказал, чтобы я купила самые вкусные конфеты, деликатесы, словом, все, что может понравиться молодой женщине... Он сказал, что хочет угостить Китаеву. Я все купила, водитель поднял пакеты в кабинет, и я отдала Борису Константиновичу все чеки. Вот и вся история!

– Оля, он часто так делает, чтобы умаслить своих клиентов или клиенток?

– Нет, первый раз! – беззаботно прошептала Оля. – Да, он попросил меня еще и букет отправить в какое-то кафе, вроде это ее кафе... Я не поняла. Просто выбрала красивые розы и оформила доставку по адресу улица такая-то, номер дома и название кафе «Эмма». Ну, это точно ее кафе, ведь клиентку зовут Эмма Китаева. Да вы не переживайте, Марина Владимировна, это все рабочие моменты, можете мне поверить. И извините, что встречаю не в свое дело...

Она как лезвием меня полоснула. Поняла, что я приревновала Бориса к этой Эмме. Ну а как же тут не приревнуешь, когда эти цветы, конфеты, вино...

Первая мысль была нехорошая. Отомстить. Переспать с Сашей. Он давно уже этого хочет, приходит ко мне, непонятно в каком качестве. Как-то раз просто увидел меня на улице, я шла из магазина, он увязался за мной, проводил прямо до квартиры, а потом сидел на лестнице пять часов! Впустить его в квартиру я не решилась, сказала ему через дверь, чтобы он убирался, что я замужем и все такое. Он пришел на следующий день, позвонил в дверь, и я увидела в глазок большой букет. И опять не открыла. Сказала ему, что не окрою, чтобы он не тратил напрасно свое время. Он приходил все снова и снова, правда, без букетов. Но с какими-то гамбургерами, колой, бутербродами, как если бы он выполнял чье-то поручение, следя за моей квартирой и время от времени перекусывая. Мальчик, студент, влюбившийся во взрослую женщину.

Шло время, соседи не могли не замечать его, и мне пришлось его выпустить.

– Я скажу мужу, что ты – сын моей приятельницы, которая попросила меня подтянуть тебя по английскому, идет? – сказала я, угощая его чаем с пирожками. – Зачем ты приходишь ко мне? У меня есть муж, тебе это известно.

Он пожимал плечами и продолжал молча смотреть на меня.

Однажды он пришел, а у меня прихватило поясницу. И я, сама не ведая, что творю, понимая, что переступаю какую-то черту, которая делает меня в глазах этого мальчика женщиной, попросила его натереть меня мазью. Запах был такой, что всех святых выноси!

Потом я как-то попросила его сходить в магазин, затем отремонтировать кран в кухне, и пошло-поехало.

Бывало, что его не было несколько дней, я понимала, что он занят, что у него занятия в университете. Как-то увидела, что у него зимние ботинки прохудились, так я дала ему денег на новые.

Постепенно я выяснила, что он живет с матерью, которая работает воспитателем в детском саду. Что семья живет скромно. Когда мать приболела, я снова дала ему денег, а потом это стало системой. Суммы небольшие, они никак не могли отразиться на нашем бюджете, мне же было приятно заниматься такой вот благотворительностью.

С Борисом они практически никогда не пересекались, он возвращался домой поздно вечером, когда Саша уже был дома.

С наступлением весны мы с Сашей зачастили в Сокольники, потом стали выезжать на нашу почти заброшенную дачу, где он помогал мне приводить ее в порядок, красил забор, ремонтировал сантехнику, выполнял все мои поручения.

Еще одну черту я перешла, когда как-то оставила его ночевать на даче. Мы вместе с ним смотрели кино, я лежала на диване, а он сидел в моих ногах. И вдруг Саша снимает с меня теплые носки и начинает мне массировать пятки! Это было такое блаженство, что я вообще притворилась спящей!

Конечно, на подсознательном уровне я ожидала его дальнейших действий, выражения страсти, желания, но ничего такого не последовало. Я так подозреваю, что Саша ждал от меня какого-то знака, приглашения. Думаю, он очень боялся, что я разозлюсь и ему будет отказано от дома.

Согласна, отношения наши получились какими-то извращенческими, непонятными, в них было много недоговоренности и неудовлетворенных желаний, а уж с его стороны – настоящего унижения. Он же понимал, что я не вижу в нем мужчину, и это не могло его не унижать.

Еще в этот период жизни (а он продолжался почти восемь месяцев) меня мучил вопрос, почему мой муж, когда изредка видит его у нас дома, не обращает внимания на эти визиты, словно ему все равно. То есть ему и в голову, получается, не приходило, что Саша может быть моим любовником. Будто я слишком стара для него. Но у меня – ни морщинки, и тело мое – идеальное.

Да и Борис стал как-то остывать ко мне, я чувствовала, что надоела ему со своими упреками, что он мало уделяет мне внимания и все такое. Думаю, это болезнь всех семей, где мужья вынуждены проводить большую часть своего времени на работе.

Ну а потом появилась эта Эмма Китаева. Вот тогда-то я впервые почувствовала, что мой Борис увлекся другой женщиной. Теперь, говоря с кем-то по телефону, он выходил из комнаты, чтобы я не слышала разговора. История его звонков была всегда тщательно стерта. Интернет-страница телефонной компании, где я могла отследить все наши звонки, была заблокирована.

Мой Борис купил себе новую туалетную воду! Раньше это делала я, выбирала по своему вкусу. На этот раз, как я поняла, он купил то, что посоветовал ему продавец-консультант в парфюмерном магазине.

В шкафу в отделении с нижним бельем мужа я обнаружила упаковки с новыми трусами, носками, носовыми платками!

Борис сменил прическу и теперь не стригся так коротко, и его черные густые волосы красивой волной лежали на его голове.

И все эти перемены произошли буквально в несколько дней!

Вот тогда-то я и поделилась с Сашей, попросила его помочь мне разоблачить Бориса.

Эта поездка в Сухово... Меня всю колотило, когда мы подъезжали к тому месту, где неподалеку была припаркована машина моего мужа. Все перед глазами расплывалось. Я надеялась все же увидеть пусть даже и их двоих, но в какой-то деловой обстановке, что они, к примеру, будут осматривать площадку под строительство или эту самую усадьбу, спорить, наконец, раскладывать на траве или еще где план строительства, разглядывать наброски, даже орать друг на друга...

Но когда я увидела эту парочку, мирно греющуюся на солнышке и перекусывающую чем бог послал, вернее, тем, что закупила для них секретарша Оля в Елисейском магазине...

Пикник – увеселительная прогулка на свежем воздухе. Увеселительная. Им было весело! Весело, в то время как я давилась слезами, сидя в машине и наблюдая за их счастьем.

А еще мне было безумно стыдно перед Сашей, который тоже все понял и чувствовал себя не очень-то комфортно. Быть может, он уже и пожалел, что согласился привезти меня в Сухово.

Китаева же была довольно привлекательной женщиной и какой-то необыкновенно свежей. В этом я могла признаться только себе. Возможно, все дело было в ее зеленом, каком-то недозрелом платье и в легкомысленной широкополой шляпе, которую она предусмотрительно надела, чтобы не позволить солнечным лучам обжечь нежную кожу лица.

Мой муж, мой Борис, смотрел на нее с обожанием. Когда она держала в руке кисть винограда примерно такого же цвета, как и ее платье, я пожалела, что у меня нет пистолета. С каким наслаждением я бы выстрелила в нее, не в Бориса, а именно в нее, в эту Китаеву, огромными пулями, чтобы разmozжить ей голову, и чтобы все ее платье и виноград, и вообще все вокруг было забрызгано ее мозгами и кровью!!!

Если бы я выдала себя, вышла из машины и устроила скандал, то выглядела бы очень нелепо, смешно и унижительно.

Борис посмотрел бы на меня, стыдясь того, что у него такая глупая жена. Он спокойно заметил бы, что они работают, что они приехали в Сухово, чтобы обсудить детали планировки, к примеру.

Они на самом деле не целовались, не обнимались, зато как они роскошно смотрелись!

Мне трудно говорить сейчас за Китаеву, я понятия не имею, что это за человек и как она относилась к моему мужу, возможно, и она тоже увлеклась им, а может, видела в нем всего лишь архитектора, которого наняла для строительства дома.

Может, у нее был любимый муж или жених, любовник или она была одинока.

Конечно, уже очень скоро вся ее личная и деловая жизнь станет достоянием людей в погонах, следователей, прокуроров. Всплывут на поверхность ее любовь, ненависть, дружба, семейные отношения, бизнес. В ее грязном белье будут копать профессионалы, выискивая мотив убийства. Выйдут на моего Бориса, а потом и на меня. Я сделаю большие удивленные глаза, скажу, что я вообще не знаю, кто такая Китаева, что мой муж – известный в Москве архитектор и что у него было много клиентов и клиенток, вернее, заказчиков. Не думаю, что они узнают о существовании Саши, что будут задавать ему вопросы. Ну а если уж и учинят допрос, то он будет молчать. Из уважения ко мне, да пусть даже ко всему тому хорошему, что он видел от меня.

Китаеву убили. В голове не укладывается. Скорее всего, это из-за денег. Я слышала, что она держала кафе. Ну, какие уж такие большие деньги она на этом зарабатывала? Это же не

элитный ресторан. Надо бы съездить туда, посмотреть на это кафе. Просто так. Ради любопытства. И если выяснится, что ее доходы от кафе были скромными, то всплывет один и очень важный вопрос: откуда у нее деньги на реставрацию и ремонт усадьбы? Я узнавала у Оли: это был дорогостоящий проект. Очень.

Вот пусть следователь и копает в этом направлении. И нечего ему совать нос в личную жизнь Бориса. И уж тем более в нашу семью.

6. Следователь Дмитрий Павлович Азаров

Нора Кобленц.

Она пришла ко мне сама. Не дожидаясь, пока мы разыщем ее. О том, что Эмма готовилась к ее приезду, что подняла на уши все кафе, чтобы достойно встретить свою подругу-венгерку, знали все. Ведь это именно она, Нора Кобленц, в свое время научила Эмму готовить знаменитый венгерский паприкаш, ставший визитной карточкой скромного московского кафе в Кузьминках.

О дружбе Эммы с русской подругой Анной, удачно вышедшей замуж за венгра Миклоша Тота, знало все окружение Китаевой. Эмма часто летала в Венгрию, где проводила время с Анной и ее подругой, соседкой, немолодой уже женщиной по имени Нора Кобленц.

Миклош Тот – преуспевающий бизнесмен, ему принадлежит вилла «Чардаш» на Балатоне.

Об этом рассказала мне самая близкая, уже московская подруга Эммы – Катя Мертвая. Вот такая вот странная фамилия.

Она сказала, что супруги Тот проживают в Венгрии, в местечке Шиофок, родине Имре Кальмана. Вот в честь Кальмана дед и бабка Миклоша, построившие эту виллу-гостиницу (которую позже унаследовал Миклош, поскольку родителям принадлежат две другие гостиницы на берегу Балатона), и назвали «Чардаш». Однако, по словам Мертвой, Эмма, приезжая в Шиофок, всегда останавливалась в доме Тотов, предпочитая тишину и покой. Вокруг дома Тотов был разбит большой сад, который плавно переходил в сад соседей, как раз Норы Кобленц. Соседи дружили, ходили друг к другу в гости на барбекю, довольно часто Анна и Нора приезжали в Москву к Эмме. Анне было, как и Эмме, 28 лет, Норе – 52 года.

В кафе Нору хорошо знали, поскольку именно она давала там однажды своеобразный мастер-класс по приготовлению паприкаша.

Раз в неделю в кафе устраивали день национальной кухни разных стран: французская, итальянская, украинская, испанская... Однако венгерский паприкаш был всегда на первом месте в основном меню, и для этого блюда, готовившегося из белого мяса, фермерами поставлялись куры или телятина. Из Венгрии приходили посылки с упаковками сладкой паприки и пряностей.

За день до убийства Эмма предупредила своих работников в кафе, что ужинать они будут с Норой завтра в восемь вечера. Она распорядилась, чтобы поменяли шторы на окнах, заменили скатерти и поставили в вазы свежие цветы. Эмма была в прекрасном расположении духа, казалась счастливой, поговорила с персоналом и уехала по своим делам. Как теперь выяснилось, она отправилась в Панкратово и уже на следующее утро в кафе не явилась.

Катя Мертвая, которую я допрашивал вечером, спустя несколько часов после того, как были обнаружены тела убитых в Панкратово, сильно нервничая и стуча зубами, рассказывала, что ей хорошо известна женщина по имени Зося. Действительно, это известная гадалка, ее предсказания почти всегда сбывались, Эмма и раньше ездила к ней по своим, женским делам, хотела заглянуть в будущее. И она возила туда Анну Тот, когда та гостила у нее в Москве. Слышала она, что и Нора, собираясь к Эмме в гости, пожелала встретиться с Зосей, Катя узнала от Ани, что у Норы какие-то проблемы с мужчиной, с которым она встречается. Что он вроде бы охладил к ней, и что Зося может приготовить ей какое-то зелье, чтобы приворожить возлюбленного. Никакой тайны из этих визитов никто не делал, все четыре женщины, подруги – Эмма, Анна, Нора и Катя, при встрече делились друг с другом своими женскими проблемами, и поездки в Панкратово являлись как бы частью культурной программы. Это было мнение Кати.

Узнав о смерти Эммы, в Москву собиралась прилететь и Анна.

Нора же, как я уже сказал, объявилась сама. Просто открыла дверь моего кабинета и вошла, прижимая комочек носового платка к своим губам. Глаза ее были заплаканы.

Это была высокая интересная моложавая брюнетка с конским хвостом, одетая в тонкие кремовые джинсы и белую батистовую рубашку мужского покроя. На ее загорелом худощавом теле было множество серебряных цепочек, браслетов... сережки, перстни... Она вся позвякивала серебром, усаживаясь напротив меня с видом человека, готового к долгому разговору.

– Вы Азаров?

Она довольно сносно говорила на русском, правда, с сильным акцентом, что делало ее еще интереснее. Я знал, что ей пятьдесят два, но выглядела она едва на сорок.

– Вы неплохо говорите по-русски, – сказал я.

– Я в университете учила русский. Послушайте, погибла моя подруга. Она не приехала меня встречать. Я прождала в Домодедово очень долго, все высматривала ее в толпе... Телефон ее не отвечал. Я подумала, что она просто сильно занята или, может, у врача. Я не знала, что и думать. Знаю, что она ждала меня, готовилась... Не скрою, что она обещала отвезти меня к этой бабе Зосе, мне Аня много рассказывала об этой женщине... И сейчас я чувствую себя виноватой, понимаете? Думаю, что Эмма поехала в Панкратово специально для того, чтобы договориться с Зосей, чтобы та меня приняла. Ведь у Зоси нет телефона, поэтому с ней невозможно предварительно договориться.

– Постойте, когда вы прилетели в Москву?

– Вчера! В три часа дня. Прождала ее до шести часов, я ждала, что она вот-вот подъедет... Да еще и таксистов боюсь, мне такого понарасказывали, да и телевидение русское я тоже смотрю... Я хотела дождаться Эмму, понимала, что она не приедет меня встретить, только если действительно что-то случилось. К тому же я слышала, какие в Москве пробки... Вот поэтому я и ждала ее так долго.

– Не дождалась, и что? Поехали к ней?

– Да, я приехала, но мне никто не открыл. Хорошо, что я догадалась попросить таксиста подождать меня возле дома... Он понравился мне, такой симпатичный мужчина и не болтает много... Ну, я вышла из дома расстроенная и попросила отвезти меня в кафе Эммы, подумала, что она может быть там.

– В кафе на такси?

– Конечно, я могла бы дойти и пешком, просто у меня был багаж. Я вошла в кафе, спросила, где Эмма, и администратор Василиса Прекрасная...

– Кто-кто?

– Администратора зовут Василиса, но Эмма называет ее Василисой Прекрасной... – устало улыбнулась Нора. – Так вот, Василиса очень удивилась, когда увидела меня с чемоданами, сумками... Ну, мы поговорили и поняли, что с Эммой что-то случилось... Василиса стала обзванивать больницы, официантки тоже подключились... Мне стало нехорошо, я сказала, что с дороги, что на ногах не стою и что мне надо в какую-нибудь гостиницу... Василиса сказала, что в их районе ничего приличного нет, предложила мне остановиться у нее, но я не собиралась никого обременять... Когда мы еще не были знакомы с Эммой, я всегда, бывая в Москве, останавливалась в «Савое»... Таксисты знают. Понимаете, я была уверена, что с Эммой произошло просто какое-то недоразумение, что она в скором времени появится... Василиса вызвала мне такси, и я приехала в «Савой», где и поселилась. Мне надо было принять душ и отдохнуть. Я заказала себе ужин в номер и после этого провалилась в сон... Проснувшись от звонка Василисы, она рыдала в трубку, рассказала о несчастье, которое произошло с Эммой, сказала, что Катя поехала в Панкратово... Можете себе представить, что я испытала, услышав о Панкратове! Я сразу поняла, что Эмма поехала туда ради меня, я уже говорила... И вот чем все кончилось! Как я расскажу об этом Ане?

Катю Мертвую я вызвал сам. Вычислил ее из списка номеров телефона Эммы, дорогого мобильного телефона, который мы обнаружили в ее сумке, в доме Зоси. Телефон был отключен, и когда я его включил, посыпались эсэмэски, оповещающие о большом количестве пропущенных вызовов, среди которых большинство звонков было, конечно же, от прилетевшей из Будапешта Норы (что подтвердило озвученную госпожой Кобленц хронологию событий первых часов ее московской жизни).

Катя была второй из наиболее активных абонентов Эммы.

Это я сообщил ей о смерти ее подруги и вызвал на допрос.

Катя, обыкновенная, ничем не примечательная девушка с русыми длинными волосами и серыми глазами, в джинсах и майке, появилась передо мной с опухшим от слез лицом и сразу же бросилась убеждать меня, что это ошибка. Что Эмма не могла быть в Панкратово, что она должна была дожидаться приезда своей подруги Норы из Венгрии...

Я видел, что она цепляется за последнюю надежду на то, что Эмма еще жива.

Мне пришлось показать ей снимки с места преступления, чтобы доказать ей, что Эммы больше нет.

– Кем вы приходились Эмме Китаевой?

– Я ее подруга, можно сказать, близкая подруга, – шмыгая носом, отвечала Катя. – Неужели она отправилась в Панкратово, чтобы договориться с Зосей о Норе? Она так хотела ей угодить, сделать ей приятное! Боже мой, вы и представить себе не можете, каким человеком была Эмма! Ну почему Бог прибирает таких замечательных людей? Почему?

Она плакала с подвыванием, стонами и причитаниями. Видно было, как она горюет.

И вдруг в какой-то момент она вдруг подняла голову, посмотрела на меня отстраненным взглядом и проговорила:

– Я тут знаете что подумала? Что она поехала к Зосе не только из-за Норы. Она ей очень верила, понимаете? Нет, конечно, она и Нору тоже любила, но даже если предположить, что с Зосей у нее не было предварительной договоренности и они бы с Норой приехали к Зосе неожиданно, нагрянули бы, как это делают все, кто к ней приезжает, то ничего страшного не произошло бы! Ну, подождали бы они, у Зоси есть комнаты, где можно было бы переночевать. Да Норе это было бы интересно, она же любит все необычное, экзотическое... У Зоси дом стоит прямо в лесу, там все такое старинное, полно сушеной травы, цветов, разные склянки, утварь, вышитые полотенца... Считай, что побывала бы в музее. Нет, тут дело не только в Норе...

И Катя снова разрыдалась. Мне пришлось дать ей воды и даже успокаивать ее. Я и сам не понял, как оказался рядом с ней и обнял ее за плечи. Плечи были холодными. Катя Мертвая – ну и фамилия!

Однако она была живая, слава богу, и очень эмоциональная.

– Катя, что вы хотите этим сказать? Вы сказали, что дело не только в Норе...

– Понимаете, – сказала она, немного успокоившись и взяв меня за руку, я к тому времени присел на стул рядом с ней. – Ей самой нужно было к Зосе. В ее жизни произошли кое-какие перемены... Не знаю даже, как и сказать. Не уверена, что это может помочь следствию. Но все же расскажу, чтобы вы хотя бы поняли, что она отправилась в Панкратово не только ради Норы. Она влюбилась. В мужчину. Он – женат. О, кстати! Да-да, он же женат! Думаю, что Эмма хотела посоветоваться с Зосей, может ли она надеяться на развитие этих отношений или нет.

– Вы знаете, кто это? Имя, фамилия?

– Да, конечно. Его зовут Борис Константинович Болотов, он архитектор.

В списке телефонных адресатов Китаевой действительно был «Борис Б.».

– Вы знаете номер его телефона?

– Нет, нет... У меня не может быть номера его телефона. Она сама встречалась с ним, разговаривала...

– Не понял... У них были дела?

– Да, он готовил проект реконструкции одной старинной усадьбы, – неуверенным тоном проговорила Катя. – Это в Сухово... Это была Эммина мечта...

– Эмма хотела отремонтировать усадьбу?

– Да, говорю же, это была ее мечта!

– Они были любовниками с этим архитектором?

– Думаю, они просто не успели ими стать, слишком мало времени прошло. Хотя точно сказать не могу. Они были знакомы от силы две недели. И Эмма влюбилась в него. Я видела Болотова, он очень красивый мужчина. Просто сказка. Но, как я уже сказала, женат. Детей, правда, нет, мне Эмма говорила. Потому-то она и надеялась, что Борис будет ее... Думаю, она за этим и поехала к Зосе, чтобы понять, как бы это сказать... степень греха, что ли, оценить, понимаете? Просто я знаю Эмму, если бы у Болотова были дети, то она не стала бы отвечать на его чувства.

– У него тоже были чувства к Эмме?

– О да! Судя по рассказам Эммы, он влюбился в нее с первого раза. Человек очень серьезный, владелец собственного архитектурного бюро, Болотов, встречаясь с ней по поводу проекта, нес какую-то чепуху, сильно волновался, приглашал ее в кафе, дарил какие-то милые вещицы, а когда они договорились поехать в Сухово, уже на место, устроил ей настоящий пикник! Эмма тоже тщательно готовилась к этой поездке. Обычно одетая по-деловому, в тот раз она надела новое зеленое платье и соломенную шляпу. Она призналась мне, что когда она думает о Болотове, ей жить хочется... Он очень, очень нравился ей.

Да-да, думаю, все так оно и было. Эмма понимала, что когда они приедут к Зосе вместе с Норой, то все внимание будет уделено Норе. Вот поэтому она и решила поехать в Панкратово на день раньше, чтобы Зося позанималась с ней, а заодно договориться о визите Норы. Вот это больше похоже на предусмотрительную и очень ответственную Эмму.

Вот ведь судьба! Надо же было ей оказаться в этом доме как раз в ту ночь, когда на Зосю напали!

– Скажите, Катя, вы действительно полагаете, что убийца приходил по Зосину душу? Вы не допускаете, что целью была Эмма?

– Нет-нет! Это совершенно исключено! – замахала руками Катя. – Даже не тратьте попусту время! Я не понимаю этих ваших дел, ведь убийство произошло в Панкратово, а там есть свой следователь... Но прошу вас, помогите ему разыскать убийцу Зоси, ведь он убил нашу Эмму. Как свидетеля. Получается, что она сама поехала в Панкратово, чтобы решила ее судьба... Господи, да за что же ей все это?!

– А что, если это жена Болотова решила ее убить? – осторожно предположил я.

– Мысль, конечно, интересная, но откуда ей знать про Зосю?

– Вообще-то я наводил справки, Зося – известная личность. Возможно, что и Болотова знала о ней... Другое дело, трудно предположить, что она следила за Эммой... – принялся я рассуждать вслух, напрочь забыв, что нахожусь рядом со свидетельницей. – Да, вот еще что! В сумочке вашей подруги Эммы мы обнаружили ключи от ее квартиры, во всяком случае, мы так полагаем. Я хочу, чтобы вы поехали туда вместе со мной, чтобы определить, не пропало ли чего оттуда, понимаете, о чем я?

– Да, конечно, я помогу вам. Я часто бывала у нее дома и знаю там практически все, каждую мелочь. И давайте сравним ключи, возможно, они не от квартиры, а от кафе или склада... Просто не хотелось бы, чтобы вы ломали дверь.

В это самое время Кате позвонили.

– Аня?! Дорогая! Ты вылетаешь? Хорошо, я тебя встречу, я все записала... Разве могли мы предположить, что встретимся по такому скорбному случаю... Я приеду в аэропорт! Дождись меня! Думаю, что я все успею, у меня в запасе целых пять часов! Пока, моя дорогая!

И она снова заплакала.

Я понял, что в Москву вылетает Анна Тот. Еще один свидетель.

7. Лиля Лялина

Мы встретились с Вероникой в кафе, на Арбате. Когда я собиралась на встречу, мысленно рассказала ей все-все, что произошло со мной за последнее время. И не то чтобы это были какие-то важные события, нет, так, обыкновенное, я бы даже сказала, плавное течение жизни. Но моей жизни. И мне хотелось, чтобы она взглянула на мою жизнь как бы со стороны. Может, посоветовала бы что-нибудь, подкорректировала. Вероника – она очень умная, с ней легко, знаешь, что она всегда все поймет и подскажет. Она каким-то волшебным образом направляет твои мысли по другому руслу, по совершенно неожиданному, и ты начинаешь воспринимать какие-то вещи, события по-другому. Конечно, все это очень сложно, но и просто, с другой стороны.

Некоторые, взглянув на мою жизнь, скажут, что я просто с жиру бешусь. И все дело в том, что у меня все хорошо, по большому счету. Во-первых, у меня хороший муж, и мы любим друг друга. Еще у меня уникальная профессия, вернее, профессия-то у меня обыкновенная, я переводчик, но мой муж Захар помог мне с открытием собственного бюро переводов, и теперь у меня на Лубянке, в одном из тихих и уютных зеленых дворов, есть свое помещение, офис, и там все такое красивое, с коврами и картинами... И девочки у меня работают все как на подбор умные, интеллигентные и очень талантливые.

Я так все организовала, что могу в принципе и не показываться на работе. Но я, конечно же, хожу на работу, перевожу какие-то статьи, но в основном контролирую работу бюро, занимаюсь с бухгалтером, слежу, чтобы у меня было все в порядке.

Я очень люблю Веронику. Я вообще от нее в восторге. Вероника – это огонь, решительность, риск, напор, ураган, сметающий все на своем пути... Она яркая, взрывная, шумная, громкая и ничего не боится. Я же – ее полная противоположность. Если Вероника – огонь, то я – тихое прозрачное озеро.

Я очень спокойна, рассудительна, боюсь ответственности, чрезмерно осторожна, нерешительна, всегда и за все переживаю, не умею самостоятельно принимать решения. Быть может, поэтому боготворю своего мужа, который просто ведет меня по жизни, помогая мне преодолевать трудности. Да что там – Захар ходит со мной даже к зубному!

Единственное, на что я способна без его помощи, – это путешествовать. Я знаю, что муж занят, поэтому спокойно покупаю себе в соседнем турбюро путевки и отправляюсь одна, куда мне захочется. В этом плане я как наркоман. Меня не утомляют ни перелеты, ни долгие поездки, ни экскурсии, я открыта всему новому, я живу этим, я без этого уже не могу.

Все свои впечатления я записываю в дневник, который храню в одной папке на рабочем столе компьютера. Туда же, между кусками текста вставляю фотографии. Быть может, когда наши дети подрастут (пока они еще только в проекте), я покажу им, где была, что видела, поделюсь своими впечатлениями.

Дети... Честно говоря, я просто не могу забеременеть. Вроде бы здорова, да и Захар тоже. Не знаю, что с нами, но пока бог нам деток не дал. Не могу сказать, что я отчаялась, нет, я еще молода, и у нас есть время. Да только иногда мне становится как-то не по себе, я начинаю ощущать себя уродом, инвалидом, женщиной-пустышкой, и все эти чувства собственной ущербности захлестывают меня, как морская волна, и в такие минуты мне хочется с кем-нибудь поговорить об этом, выговориться, но только не с подругой, а с кем-то посторонним, с человеком, который или сталкивался с подобной проблемой, или обладающим даром предвидения. Я говорю о гадалках. О тех странных женщинах, ярко накрашенных и вызывающе одетых,

говорящих на тарабарском языке непонятные вещи, глядящих в стеклянные шары, зажигающих свечи, раскладывающих карты и, таким образом, приоткрывающих перед запутавшимися в собственных проблемах людьми будущее.

Я знаю, что все они, в большинстве своем, шарлатанки, мошенницы, актрисы, зарабатывающие себе на хлеб с маслом тем, что говорят людям то, что те хотели бы услышать. Но они нужны, и я хожу к ним, даю себя обманывать, плачу им деньги, чтобы хотя бы несколько слов услышать о себе, о своем бесплодии, о том, что я не бесплодна, что мне нужно просто подождать немного, и я обязательно забеременею.

Эти женщины-экстрасенсы обитают повсюду, и в Москве их много, достаточно взглянуть на объявления в газетах.

Но есть такие, о которых узнают не из газет. Это – настоящие волшебницы. Одна из них живет в Панкратово...

– Лилечка, какая ты воздушная, красивая, как стрекоза! – Вероника обняла меня, мы сели и заказали кофе. Приближался вечер, Арбат бурлил прохожими, звучал музыкой уличных музыкантов, голосами поэтов, декламирующих свои стихи, пестрел сувенирными лавками, выставленными на продажу картинами, витринами магазинов и ресторанов. Солнце в тот вечер окрасило все вокруг в золотисто-янтарные тона.

«Воздушная, красивая, как стрекоза!» Стрекоза – это потому что на мне было полупрозрачное платье с короткой пышной юбкой. Я в этом наряде походила скорее на рано повзрослевшую девочку, не успевшую переодеться во все взрослое, чем на женщину. Но мне нравилось это платье, я знала, что эта легкомысленная, похожая на пачку балерины юбка подчеркивает стройность моих ног и что все мужчины разглядывают меня. И что Вероника тоже обратит внимание на мой наряд. Словом, я сама напрашивалась на комплимент.

– Вообще-то никакая ты не стрекоза, а скорее лягушка-путешественница! Ты снова куда-то ездила? Летала? Где ты была, признавайся?! – Вероника, в красном платье, едва прикрывающем колени, в красных коралловых бусах, браслете и сережках, с пунцовыми губами, благоухала, как красная роза.

– Добрый день, я из Парижа, где шампанским пахнут крыши... – засмеялась я, вспоминая, как мы когда-то пытались сочинять стихи про Париж. Две девочки-дурочки. – Сегодня прилетела.

– И как он тебе?

– Хотела бы купить там квартиру, небольшую, знаешь, студию... И вот тогда бы я могла сказать сама себе: это мой город. Понимаешь?

– Конечно, понимаю. Мне показалось, когда мы с тобой говорили по телефону, что ты хочешь мне что-то рассказать.

– Да нет... Просто хотелось увидеться. Расспросить, как у тебя дела. Что нового?

– У меня работа, бизнес, переговоры, деловые обеды, а ужинаю я одна, дома, в обществе своего кота Барсика. Что-то в последнее время мне попадаются очень странные мужчины. Красивые, но бестолковые, безработные, ну и все такое. А я ищу сильного, умного, вот как твой Захар, к примеру...

Она часто дразнила меня, пытаясь вызвать во мне ревность. И я, зная о том, что она делает это намеренно, злилась.

– Вероника!

– Все-все, не буду! Так что у вас произошло?

– Понимаешь, Захар вчера возвращался домой, а возле подъезда случилась драка...

С одной стороны, я понимаю, что он сделал правильно, что защитил парня от двух бугаев... Но с другой – они же могли его самого покалечить, понимаешь? Или даже убить! Вот как он

не побоялся? Почему не подумал обо мне? Каково мне будет, если он станет инвалидом или вообще... Ну, ты меня поняла...

– Ответа на этот вопрос не знает никто. Понятное дело, что проще всего пройти мимо и сделать вид, что ты ничего не заметил, что тебя это не касается. Но что, если в такую же ситуацию попадет кто-нибудь из твоих близких людей? И тогда ты будешь возмущаться, что никто не вступился...

Я слушала ее, испытывая при этом стыд за то, что эту историю я выдумала, пока ехала к ней на встречу. Что на самом деле ничего такого не случилось. Просто мне хотелось услышать ее рассуждения о безразличии и небезразличии людей. Мне надо было разобраться в себе, какая я – страус или нет. И всегда ли надо быть равнодушным к чужой беде? Или просто быть равнодушным.

Я ехала к Веронике, чтобы задать ей один вопрос, но так и не решалась. Я слушала ее рассуждения о том, как рискованно вступать в чужие ссоры и драки, хотя ничего нового она мне рассказать не могла. Я же не ребенок и сама все понимаю.

«Вероника, я стала случайным свидетелем одного разговора!» Вот так я планировала начать свой разговор с ней.

«Помнишь, мы с тобой ездили в Панкратово, к Зосе?»

Да, конечно, она вспомнит. И что?

«А то, что человек в шаге от меня произнес по телефону: «В Панкратово идет дождь. Польша и русская улетели. Все идет по плану. А я остаюсь в Москве, буду работать».

Вроде бы какая-то абракадабра. Как шифр. Но, с другой стороны, в вечерних новостях сообщили об убийстве Зоси в Панкратово. Вернее даже, о двойном убийстве. И этот человек сказал, что все идет по плану.

Между тем Вероника затеяла разговор о совместной поездке в Барселону. Я отвечала ей машинально, какие-то дежурные фразы, в то время как мне хотелось спросить ее: мне идти в полицию или нет? Остаться ли мне в стороне от этих убийств или же попытаться помочь следствию? А вдруг эта информация очень важна?

Вероника – она точно не равнодушный человек. И я с уверенностью могу сказать, что она отправила бы меня в полицию и даже вызвалась бы сопровождать меня. Эмоциональная, она всплакнула бы, вспомнив Зосю, чудесную женщину, которая с уверенностью сказала мне, что у меня будет девочка, а Веронике предсказала счастливый брак (правда, со своим дальним родственником). Старый, с темными стенами дом в лесу, где нас принимала эта женщина, казался нам тогда чуть ли не дворцом, настолько хорошо нас там приняли, угощали какими-то лепешками с маслом, сладким чаем на травах. Мы были там счастливы, рядом с Зосей, и полны надежд. И вот теперь ее убили.

Время шло, мы заказали семгу, болтали ни о чем, и я так и не решилась рассказать ей даже о смерти Зоси. Побоялась, что не выдержу и проговорюсь, расскажу о том, свидетельницей какого разговора я оказалась.

И вот, наконец, когда дежурные темы были исчерпаны, Вероника каким-то очень уж обычным тоном сказала, что вчера к ней нагрянул гость. Из Санкт-Петербурга. Сын подруги ее матери или что-то в этом роде, режиссер, он будет ставить спектакль в каком-то молодежном театре, что он очень талантлив (по словам матери, которая с опозданием предупредила

ее о его приезде), что в быту он неприхотлив, очень культурный, выносит мусор, моет после себя чашки и заправляет постель, а еще что он веселый, по ночам не спит, а смотрит какие-то мультфильмы и что он вообще очень позитивный человек.

– А почему он не остановился в гостинице? – поинтересовалась я просто так, чтобы поддержать разговор. Я вообще вела себя в тот раз неестественно, потому что моя голова и душа были заняты более серьезными вещами.

– Вообще-то он остановился в гостинице, – каким-то извиняющимся тоном проговорила Вероника, разглядывая лимон на розовой семге в своей тарелке, – а ко мне зашел, чтобы передать пакет от мамы, там – шарф, который она связала мне к зиме, коробка домашнего печенья, ну и по мелочи... Словом, мы выпили чаю, он показался мне довольно приличным молодым человеком, ну я и предложила ему пожить у меня... Как бы сэкономить на гостинице, понимаешь?

Она подняла голову, и я увидела, как покраснело ее лицо.

– Ну и правильно, – спохватилась я, догадавшись, что Вероника ждет от меня реакции. – Раз приятный человек, да к тому же рекомендован как бы твоей мамой, почему бы не помочь ему, тем более режиссеру... Гостиница – это дорого.

– Лиля, да при чем здесь деньги?

– А что? Он понравился тебе? – обрадовалась я возможности услышать подробности зарождающегося романа.

– Уф, Лилька... И что только у тебя в голове? Просто у меня в доме какое-то время, несколько месяцев, будет жить мужчина. Может, кран починит или полку прибьет... Да и вообще, мне будет не так страшно ночевать одной... Знаешь, иногда в нашем доме по ночам раздаются такие странные звуки... Как будто кто-то скребется в дверь или завывает...

И мы с ней расхохотались!

– Ладно, Лилечка, – сказала она мне перед тем, как мы с ней распрощались, – мне надо еще успеть приготовить ужин. Я вчера купила баранину, сегодня накручу котлет, на гарнир рис отварю, помидоры порежу... Вино у меня есть...

– Вероника, я так за тебя рада, – сказала я ей искренне. Хотела подобрать еще несколько слов, чтобы выразить свою радость по поводу появления в ее жизни мужчины, а заодно и объекта заботы, всего того, чего ей так не хватало как женщине, но ничего не сказала. Подумала, что это может прозвучать как-то искусственно. Нерешительность всегда была моей второй натурой.

– Знаешь, если бы ты его увидела, то он понравился бы тебе непременно. Он вообще не может не понравиться. Очень хотелось бы тебе пообещать, что приглашу вас с Захаром к себе в гости, чтобы познакомить с Сергеем, но боюсь сглазить, сама себя боюсь... Не будем торопить события, да? Пстой, Лиля, мы тут все о пустяках разных болтали. И я не успела спросить тебя о самом главном: как у вас с Захаром дела? Ты не беременна? Я почему-то надеялась, что ты захотела со мной встретиться, чтобы рассказать что-то важное.

Я пожала плечами. Нет, новостей такого рода у меня нет.

– Ну ладно, подождем! – Она улыбнулась, приободряя меня. – Какие еще ваши годы. Пстой... Минутку... Только ты не обижайся на меня, хорошо?

И Вероника, смущаясь, достала из сумочки розовую коробочку «фраутеста». Сунула мне в руку.

– Тест на беременность? – Я усмехнулась, не зная, как реагировать на это. Действительно ли обидеться, мол, не дразни меня, мне и так тяжело. Или же отблагодарить ее улыбкой за

заботу и ту надежду, которую она попыталась в меня вселить. Я выбрала второе. – Спасибо, Вероника!

– Вот увидишь, этот тест окажется волшебным и судьбоносным. И знаешь, почему? Потому что его держала в руках влюбленная женщина. Ну, вот я и призналась тебе в том, что влюбилась. Как девочка. Как дурочка.

Я хотела ей сказать: осторожнее на поворотах! Я всегда знала, что любовь – чувство опасное и что не всем женщинам, вышедшим замуж по любви, так повезло, как мне с Захаром. Опыт миллиона женщин, статистика показывают, что брак по любви недолговечен, что невозможно на страсти и взаимном чувстве построить крепкую семью, основанную на уважении, где есть место таким понятиям, как порядочность, верность, ответственность. Женщина воспринимает страсть и увлечение за любовь, принимает какие-то радикальные решения, меняет свою жизнь, подчас предавая поистине родных и близких людей (детей, родителей!), и в результате, столкнувшись с предательством мужчины, остается одна.

Вероника, дорогая, будь осторожна, не доверяйся ему до конца, постарайся видеть в нем не только хорошее, будь объективна, не будь слепа! Вот такие слова хотела я сказать ей, но не сделала этого. Просто обняла.

– Любовь... – вздохнула я. – Любовь – это так прекрасно.

– Спасибо... Честно говоря, мне так хотелось поделиться с тобой тем, что со мной происходит... И так здорово, что ты мне позвонила!

И тут произошло что-то странное, непонятное. Мы стояли на выходе из кафе, мимо нас шли люди, вечер опустился на Арбат, вокруг зажглись огни, и вот в какое-то мгновение на нас с Вероникой словно опустилось невидимое облако крепких лесных запахов: мха, мокрой хвои, дубовой коры, мяты, ромашки... Прохлада окутала наши плечи. И мимо нас прошла, словно сошедшая с акварели, прозрачная, в бежево-кофейных тонах женская фигура в длинной одежде. Призрачная женщина повернула голову и, глядя куда-то мимо меня, сквозь меня, улыбнулась мне и даже кивнула головой, словно здороваясь. Я смотрела ей в спину, как она уходит, держа гордо голову, и успела разглядеть густые волосы, скрученные в тяжелый узел на затылке, даже несколько мелких полевых ромашек с крепенькой, пахучей желтой сердцевинкой, застрявших в спутанных прядях...

Видение исчезло, и я увидела Веронику, которая тоже смотрела в ту же сторону, куда ушла, растворившись в своем, нам не ведомом измерении, лесная фея, пани Зося.

– Вероника? С тобой все в порядке? – спросила я, испытывая легкое головокружение от только что пережитого. Вот что значит постоянно думать о ком-то, и этот «кто-то» словно материализуется! Главное, никому не признаваться в том, что видела. Иначе подумают, что ты сошла с ума.

– Представляешь... Может, я, конечно, сегодня перегрелась на солнце или же во всем виновата моя впечатлительность... Послушай, Лиля, ты, наверное, не знаешь... Зося... Пани Зося, помнишь в Панкратово?

Меня словно током ударило. Только что на моих глазах Вероника собиралась признаться мне в том, что видела призрак Зоси!

– Да, помню, конечно... – Я почувствовала, как мой лоб покрылся испариной. – И что?

– Мне показалось, что она сейчас прошла мимо нас...

– Да? И где же она?

– Нет, ты не поняла... Она не могла здесь пройти...

– Почему? Думаешь, она не выходит из своего леса?

– Она умерла, Лилечка. Ее убили вчера ночью, в ее же доме.

– Убили? Как это? За что? Кто?

– Мне одна знакомая позвонила, она тоже к ней собиралась... В новостях было... Уф... – Она затрясла головой, прогоняя призрак из своего сознания. – Вот и не верь после этого в привидения... Не поверишь, вот как тебя видела! Только что! И даже воздух стал прохладнее, лесом потянуло, ветерок такой, ледяной... Она совсем близко от нас прошла, словно сквозь тебя... Она еще повернулась, и я увидела ее лицо. Мне показалось, что оно совсем молодое. И вообще, она была не старая, просто одевалась, как старуха... Лиля! Стой!

Она вдруг отстранила меня рукой, нагнулась и подняла с пола головку ромашки, растерла в пальцах, поднесла к носу:

– Вот он, ее запах... Так пахло в ее доме... Эта ромашка упала с ее головы... Ладно, Лиля... Понимаю, что это уже чертовщина какая-то... или знак...

Я хотела ей признаться в том, что и я тоже видела эту живую акварель, эту пани Зося, но рот мой словно кто-то запечатал.

– Ладно, Лилечка, я побежала! Привет твоему Захару!

Мы снова с ней обнялись, и она убежала. Я разжала правую ладонь и увидела на ней желто-белое ромашковое крошево... Испугалась.

– Прости меня, Зося, – прошептала я и быстро двинулась прочь из кафе.

8. Зоя

Я очень люблю свою сестру. И если бы не я, не знаю, что с ней стало бы. Два года она уже мучается со своим Вадимом, умом понимает, что он ей не пара, что жить с таким человеком просто нельзя, что с ним можно погибнуть, но разве ей что-нибудь объяснишь? Влюбилась, живет с ним на съемной квартире, потому что своей расплатилась по его долгам, и не может найти в себе силы порвать с ним. Вадим Караваев – человек-катастрофа. Там, где он, всегда проблемы. В нем столько пороков, что хватило бы на целую компанию негодяев. Алкоголь, наркотики, склонность к авантюрам, неисправимый безумный фантазер, аферист, бабник, мот и кутила, лентяй, обманщик, мошенник... Этот человек не идет по жизни, а летит, и все больше по наклонной. И если бы не моя сестрица, он давно бы уже умер: разбился бы на машине пьяный, спился бы, закончил свою жизнь под забором, как законченный наркоман...

Моя Ира же возится с ним, спасает, вытаскивает из разных передрыг, лечит его, кормит, одевает-обувает, расплачивается с его кредиторами, прячет от таких же отморозков, как и он сам... Если бы это было возможно, отправила бы ее куда-нибудь подальше, за границу – учиться, работать, просто жить. Но без него.

Мой муж оставил мне в наследство стоматологическую клинику, где Ира работает у меня ведущим специалистом-протезистом. Зарабатывает хорошо, да только у нее в кармане всегда гуляет ветер. Она ходит в джинсах и майке летом, джинсах и свитере – в холодное время года. Красится самой дешевой тушью, душится остатками моих духов, нижнее белье покупает себе в «Детском мире», пользуется детскими шампунями и кремами, спит в старой маминой ночной рубашке и курит дешевые мужские сигареты.

Когда она утром появляется в клинике, я всегда встречаю ее так, как если бы она вернулась с того света. То есть каждый раз удивляюсь тому, что она все еще жива, что проснулась, несмотря на бурную и полную разных событий и волнений ночь, что у нее чистые волосы и зубы пока что все целы (а могли быть и выбиты), что у нее не дрожат руки и не заплакано лицо и что она в целом выглядит довольно опрятно. Особенно когда надевает на свою потрепанную одежду белоснежный накрахмаленный халат.

Когда у нее бывает свободная минута между пациентами, я зову ее к себе в кабинет выпить чашку кофе и съесть бутерброд, который готовлю ей, как если бы это было необходимое ей лекарство для поддержания силы. И всегда радуюсь, если ее ненормальный любовник, поработивший ее своей смазливой внешностью, куда-нибудь упилит – в Питер или Лондон, Париж или Женеву, туда, куда позовут его дружки: музыканты, художники, театралы, геи, наркоманы... Он обладает поистине удивительным свойством вызывать к себе самые высокие и благородные чувства и пользуется своей, прямо скажем, незаурядной (надо быть объективной!) внешностью, каким-то непонятным шармом и обаянием, которые вызывают у его окружения желание прихватить его с собой в качестве компаньона, друга, приятеля, спутника, помощника или просто красивого молодого человека, способного украсить собой любое мероприятие.

Выше я написала, что у него смазливая внешность. Это оттого, что я злюсь на него. Он высокий худой брюнет, обладатель драгоценных синих глаз, которыми он раздевает женщин и завораживает, примагничивает к себе мужчин. Я не знаю, есть ли у него любовники-мужчины, скорее всего нет, но то, что мужчины повсюду за него платят и делают ему подарки – это факт.

– Он не гей, Зоя, – говорит Ира. – Мужики любят его, сама не знаю, за что... Они видят в нем заблудшего ангела, быть может. А еще он прекрасный компаньон, всегда поддержит, будь то водка или травка. Они берут его с собой в путешествия, на соревнования, тусовки, на подписание важных договоров... Понимаешь, он, думаю, их талисман. И мой талисман тоже. И я не могу без него...

Когда-то я изучала психологию и могу с уверенностью сказать, что моя сестра относится к тому типу женщин, которые живут в состоянии постоянного стресса, чувствуют себя несчастными, жертвами и постоянно жалуются на свою жизнь. Но стоит у них забрать источник страдания, как они растеряются и не будут знать, как им жить дальше, за что бороться и куда двигаться дальше. Страдание – это и есть их образ жизни, сама жизнь.

Ира моя страдала от того, что ей приходилось делить Вадима со всеми, кто считал его своим близким другом и время от времени похищал его.

...Сейчас поймала себя на мысли, что не с того начала свой рассказ о Вадиме. Он вряд ли стал бы настолько популярным в столице, в богемной среде, если бы не его происхождение, его семья и все то окружение, которое его, по сути, и воспитало. Весь мир когда-то, когда маленький Вадик сладко посапывал в своей кроватке, состоял из большой и очень уютной квартиры в Староконюшенном переулке, в которой проживала его семья – дед, известный писатель-фантаст Родион Караваев, его жена (бабушка Вадима) – драматическая актриса Анна Берг и няня Ольга (родители Вадика, музыкальные эксцентрики, эмигрировали в Америку и растворились в ней без следа, когда мальчику было всего шесть месяцев).

В доме Караваевых часто принимали гостей, там любили бывать молодые московские поэты и писатели, актеры, художники, журналисты, киношники. Няня Ольга, накормив маленького Вадима медом, чтобы тот крепко спал, готовила закуски для гостей, разливала по графинам морсы и вино, доставала квашеную капусту, огурчики, помидоры, бегала в соседний гастроном за ветчиной и колбасами, в то время как родители Вадима слушали стихи своих гостей, пели вместе со своими друзьями песни и романсы или просто, развеселившись, теплой компанией гуляли по Арбату.

Когда Вадим подрос и начал сам декламировать стихи чужие, а потом и свои, его стали усаживать за стол вместе со взрослыми, давали ему разбавленное водой вино, постепенно приобщая к определенному образу жизни, что и сделало его впоследствии человеком, с одной стороны, глубоким и интересным, образованным, начитанным и талантливым во всем, что касалось общения с людьми искусства, с другой – редким шалопаем.

Квартира в Староконюшенном переулке давно бы после смерти выдающегося деда пошла с молотка, Вадим продал бы ее еще полгода тому назад, если бы не одно обстоятельство, помешавшее ему сделать это. Нотариус, вскрывший завещание внезапно скончавшегося деда, зачитал последнюю волю покойного, вызвав у страдающего похмельем единственного наследника – Вадима рвотный спазм: внуку отходила трехкомнатная квартира в районе ВДНХ, автомобиль «Мерседес» (Е-класс 1989 года) и десять тысяч американских долларов.

Быть может, какому-нибудь неискушенному деньгами и прочими земными благами сверстнику Вадима это показалось бы настоящим богатством, но все в этом мире относительно. Оказалось, что основной капитал – злополучная квартира в Староконюшенном переулке, дача в Переделкино, крупные денежные вклады в России, Германии и Швейцарии, а также огромное литературное наследие деда (чьи книги продолжали издаваться по всему миру и приносили ему немалый доход) досталось никому не известной женщине по имени Эмма Петровна Китаева.

– Вадик пьет, – говорила Ира мне по телефону после похорон старика Караваева, – прямо не знаю, что с ним делать. Я понимаю, он рассчитывал, что старик оставит ему все, как-никак, единственный наследник. Но что поделать, завещание есть завещание. Сначала он настаивал на том, чтобы к нему приехал его друг-адвокат, он хотел с ним посоветоваться, можно ли оспорить завещание, мол, старик был не в себе, когда писал его, иначе не оставил бы все незнакомой женщине, явно мошеннице... И адвокат приехал, Клюев его фамилия, но Вадик не дождался его, столько выпил, что заснул мертвецким сном... Мы поговорили с Клюевым, и тот мне все

популярно объяснил, мол, старик при составлении завещания находился в здравом уме и твердой памяти, поскольку как раз в это самое время он заканчивал работу над своим последним романом, что может подтвердить его редактор в издательстве, и вообще был в хорошей творческой форме, так что тут говорить о том, что у него был маразм, не приходится. Он был гением, Зоя, вот в чем дело. Отсюда – его великолепные книги, признание по всему миру, фанаты... Он – уникал, он создал свой мир, своих героев...

Я спросила, узнали ли они что-нибудь об этой женщине, кто она такая, кем приходилась Караваеву-старшему, и что, если, к примеру, окажется, что она какая-нибудь уголовница или профессиональная мошенница, то в этом случае, возможно, Вадим и выиграл бы дело.

Ира сказала, что Китаева никакая не мошенница, что она молодая, серьезная женщина (это со слов адвоката Клюева), что у нее свое кафе со средиземноморской кухней. Кстати, Ира туда ездила, чтобы посмотреть на Китаеву, ну и пообедала заодно.

– Я села за столик и попросила официантку позвать хозяйку. Вышла ухоженная молодая женщина. Не сказать, что красивая, но миленькая. Улыбка у нее хорошая. Я сразу представилась, сказала, что я – невеста Вадима Караваева, внука писателя Караваева, и что я хочу поговорить с ней о наследстве. Спросила ее, в курсе ли она, что Караваев оставил ей все, что нажил и заработал. Китаева спокойно мне так ответила, что, конечно, в курсе, что у нее был нотариус. На вопрос, кем ей приходился Караваев, она ответила, что они просто были в хороших отношениях. Что она уважала его как писателя, восхищалась им как человеком неординарным, и все такое. Тогда я спросила ее, как они вообще познакомились и как долго длилась их связь, на что Китаева ответила, что никакой связи не было, что познакомились они через близкого друга Караваева, поэта Сергея Качелина.

Понимаешь, Зоя, она держалась с таким достоинством, но не нагло, а так, как если бы действительно не чувствовала за собой вины, что она прикарманила чужие семейные деньги, и я подумала, а что, если у нее есть ребенок от Караваева. Я спросила ее об этом. Но она ответила, что у нее нет детей и что это здесь вообще ни при чем. Потом заметила, опять же мягко, что она употребит эти средства на благое дело, но в подробности вдаваться не стала. Посоветовала мне заказать венгерский паприкаш, сказала, что угощает «за счет заведения», улыбнулась мне и, сославшись на занятость, ушла. Я вдруг подумала, что все это вообще не мое дело, что я-то никаким боком к этому наследству отношения не имею. У меня все есть... В смысле, я не голодаю.

Я заметила, что она потеряла свою квартиру из-за своей дурацкой любви к Вадиму, на что она, обидевшись, даже всхлинула. И тогда я, растрогавшись, сказала ей, что не стоит ей тратить деньги, снимая квартиру, что она может спокойно поселиться в моей старой квартире, из которой я недавно переехала в новую. Я сказала, что там сейчас работают мастера, красят стены и циклюют паркет, что недели через две она сможет туда переехать. Единственное условие – она должна расстаться с Вадимом, который, кстати говоря, на тот момент, когда мы разговаривали, был в Турции, куда уехал с группой киношников, снимающих фильм о жизни русских девушек в Стамбуле.

И тут Ира, которая могла спокойно говорить по телефону со мной часами, сказала, что хочет увидеть меня, приехать ко мне. Я обрадовалась. Такое с ней случалось все реже и реже. Она знала, что я не смогу удержаться от упреков, что стану воспитывать, давать советы, но в тот период ее жизни, думаю, мое участие ей было просто необходимо. Все-таки мы с ней близкие люди и любим друг друга.

Я ждала ее, подготовила ванну, как она любит, плеснула в горячую воду масло ландыша и отправилась на кухню готовить ужин. Она приехала через полчаса, и хотя я видела Иру каждый день на работе, в тот момент, в полумраке своей прихожей, я испугалась за нее, такой

она показалась мне худой, даже истощенной, с запавшими глазами и испуганным взглядом. Я обняла ее, сделала то, что не могла себе позволить в стенах клиники, прижала ее к себе.

– Боже, одни кости остались! Ира, нельзя так. Ты, верно, ничего не ешь. Все страдаешь, переживаешь, думаешь о своем ненаглядном... Приди в себя! Пойдем, увидишь мою новую ванную комнату, я там тебе все приготовила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.